

ТОБАЙАС

СМОЛЕТТ

ТОБАЙАС

СМОЛЛЕТТ

Путешествие Хамфри Клинкера

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С51

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского *А. Кривцовой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Р. Алеева*

Смоллет, Тобайас.

С51 Путешествие Хамфри Клинкера / Тобайас Смоллет ; [перевод с английского А. Кривцовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-186885-7

«Путешествие Хамфри Клинкера» — наиболее значимое произведение автора, оказавшее значительное влияние на творчество других английских писателей, в том числе Уильяма Теккерея и Чарлза Диккенса. В этом полном юмора романе, где описывается путешествие одного помещика, Мэтью Брамбла, с домочадцами по Шотландии, перед читателей оживает картина английской глубинки XVIII века. Написанный в форме писем, роман стал новаторским для своего времени и предвосхитил развитие реализма.

УДК 82.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Доктору Льюису

Пилули никуда не годятся, с таким же успехом я мог бы глотать снежки, дабы охладить мои почки, и я уже не раз твердил вам, как трудно мне двигаться; а кому знать, как не мне, состояние моего здоровья! Почему вы в них столь твердо уверены? Пропишите мне, пожалуйста, другое лекарство. Я хромаю и испытываю такую боль во всех членах, точно меня вздернули на дыбу. Я страдаю и телом и духом, и с меня хватит моих мучений, а тут еще дети моей сестры постоянно мне досаждают... Почему это люди только и думают, как бы обзавестись детьми, чтобы докучать своим ближним? С моей племянницей Лидией вчера произошел странный случай, и я так разволновался, что жду вот-вот припадка подагры... Может быть, в следующем письме я объяснюсь...

Завтра утром я отправлюсь в Бристоль на Горячие Воды, где, опасаясь, мне придется пробыть дольше, чем было бы желательно. По получении сего письма пошлите туда Уильямса с моей верховой лошастью и *demi-riche*¹. Скажите Барнсу, чтобы он обмолотил две скирды, а зерно послал на рынок и продал беднякам на шиллинг за бушель ниже рыночных цен: я получил от Гриффина плаксивое письмо, он предлагает публично признать

¹ Короткая пика, иначе эспонтон (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

свою вину и уплатить издержки... не желаю я никаких его признаний, и не нужны мне его деньги! Парень дурной сосед, и я не хочу иметь с ним никакого дела. Но ежели он бахвалится своим богатством, пускай платит за свою наглость. Пускай он даст пять фунтов на приходских бедняков, и я возьму назад исковое заявление, а пока что скажите Пригу, чтобы он задержал производство дела. Дайте вдове Моргана олдернейскую корову и сорок шиллингов на одежду детям. Но ни одному смертному не говорите об этом — она заплатит мне, когда ей будет сподручно. Мне хотелось бы, чтобы вы заперли все мои шкафы, а ключи взяли себе до нашей встречи. И еще прошу вас, возьмите мой железный ящик с бумагами на свое попечение.

Простите, дорогой Льюис, за хлопоты, которые причиняет вам любящий вас

*М. Брамбл.
Глостер, 2 апреля*

* * *

*Миссис Гуиллим, домоправительнице
в Брамблтон-Холле*

Миссис Гуиллим!

Когда это письмо будет вам вручено, непременно уложите в сундук, что стоит в моем чулане, и пошлите мне в бристольском фургоне нижеупомянутые вещи, то бишь: мое неглиже с розовым воротничком и с зелеными лентами, мое желтое платье из Дамаска и черное бархатное с коротким кринолином, голубую стеганую юбку, зеленую мантилью, кружевной передник, мой французский парик, мой чепец с лентами и шкатулочку с драгоценностями. Пускай Уильямс привезет также флакон с послабляющей водой доктора Хилла и слабительное для Чаудера. У бедного животного ужасный запор с той поры, как мы уехали из дому. Прошу особенно заботить-

ся о доме, покуда семейство находится в отсутствии. Пускай в братниной комнате и у меня всегда горит огонь в камине. Служанки, все равно им делать нечего, могут сидеть за прялкой. Приделайте висячий замок к винному погребу и смотрите, как бы кто-нибудь из слуг не добрался до пива. И не забывайте каждый вечер до темноты запирать ворота. Садовник с помощником могут спать внизу, в прачечной, и охранять дом; пусть они возьмут мушкет и большую собаку. А вы зорко смотрите за служанками. Я знаю, что эта вертушка Мэри Джонс не прочь пошалить с мужчинами. Напишите мне, продана ли олдернейская телка, и сколько за нее дали, и сидит ли на яйцах старый гусак, и охолостил ли сапожник борова Дики, и как себя чувствует бедное животное после операции. Больше писать нечего, остаюсь ваша

*Табита Брамбл.
Глостер, 8 апреля*

* * *

Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл

Милая Молли!

При первой нечаянности я посылаю нежный привет вам и Сауле, нахожусь в добром здоровье, чего и вам желаю. И еще теперь, в такие холода, вы с Саулой берите к себе в постель мою бедную кошечку. Здесь, в Глостере, нам всем пришлось плохо: мисс Лидди очень хотелось сбежать с комедянтom, а молодой хозяин и он учинили бы драку, но сквайр обратился к мэру и им помешали. Хозяйка приказала мне не говорить об этом ни одной душе христианской, а я и не буду, потому как мы, слуги, должны все видеть и ничего не сказывать. Но похуже всего было, что Чаудера, на беду, покусала собака мясника, он вернулся домой ужась какой, а с хозяйкой приключились истерики, но они скоро прошли. Послали привести доктора к Чаудеру, и он приписал ему спокой-

ное лекарство, и он, слава Богу, нынче поправляется. Прошу вас, позаботьтесь о моем сундучке и мешке, спрячьте их у себя под кроватью, а не то я боюсь, что теперь, когда меня нет, миссис Гуиллим пронюхает, какие у меня есть секреты. Джон Томас находится в добром здравье, только все ворчит. Сквайр отдал какому-то бедняку старый кафтан, а Джон говорит, что его ограбили, отняли приработки. Я сказала, что ему по договору не положено получать на чай, но он говорит, что между деньгами на чай и приработками есть разница, и это верно. Все мы едем на Горячие Воды, где я выпью за ваше здоровье стакан воды, с тем и остаюсь, дорогая Молли, ваша покорная слуга

*У. Дженкинс.
Глостер, 2 апреля*

* * *

*Сэру Уоткину Филипсу, баронету,
Оксфорд, Колледж Иисуса*

Дорогой Филипс!

Я ничего так горячо не хочу, как доказать вам, что не способен позабыть о той дружбе, которая завязалась между нами в колледже, или ею пренебречь, а потому начинаю переписку, которую при нашей разлуке мы пообещали друг другу поддерживать.

Я начинаю ее раньше, чем намеревался, чтобы вы имели возможность опровергнуть сплетни, возникшие в ущерб мне, может быть, в Оксфорде, касательно глупой ссоры, в которую я ввязался из-за сестры, учившейся там в пансионе.

Когда вместе с дядей и теткой, нашими опекунами, я явился в пансион, чтобы взять ее оттуда, я нашел там семнадцатилетнюю изящную, стройную девушку с приятным лицом, но удивительную простушку, решительно ничего не ведающую о жизни. И вот к ней-то, столь

неопытной и обладающей таким нравом, стал приставать с домогательствами некий человек — я даже не знаю, как его назвать, — который видел ее в театре, и с присущей ему дерзостью и ловкостью добился того, что был ей представлен. По чистой случайности я перехватил одно из его писем.

Почтя своим долгом пресечь эти отношения в самом зародыше, я принял меры, чтобы его разыскать и сообщить ему без обиняков, что я по сему поводу думаю. Франту не понравилось мое обращение, и он повел себя чересчур смело. Хотя его положение в обществе не внушает никакого уважения к нему и мне даже совестно говорить, кто он такой, но держал он себя с отменной смелостью, почему я и признал за ним права джентльмена, и, если бы в это дело не вмешались, наша встреча могла бы иметь последствия.

Короче говоря, все это дело, не знаю каким образом, получило огласку и вызвало большой шум — оно дошло до суда, — и я был вынужден дать честное слово, и завтра поутру мы отправляемся на Бристольские Воды, где я буду ждать с обратной почтой от вас вестей.

Родственники у меня чудачки, и как-нибудь я попытаюсь рассказать о них — подробней, что вас, несомненно, позабавит. Моя тетка, мисс Табита Брамбл, — старая дева сорока пяти лет, весьма жеманная, суетная и смешная. Мой дядя — своенравный чудак, всегда чем-нибудь раздражен, и обхождение у него такое неприятное, что я готов был бы отказаться от наследственных прав на его поместье, только бы не находиться с ним в одной компании. Впрочем, нрав у него испортился из-за подагры, которая его мучит, и, быть может, при ближайшем знакомстве он мне больше понравится. Достоверно известно, например, что слуги его и соседи по имению в восторге от него, но пока я не могу понять, по какой причине. Передайте привет Гриффи Прайсу, Гуину, Манселу, Бас-

сету и остальным моим приятелям-валлийцам. Кланяйтесь горничной и кухарке и, пожалуйста, позаботьтесь о Понто ради его старого хозяина, который был и остается, дорогой Филиппс, вашим любящим другом и покорным слугой

*Дж. Мелфордом.
Глостер, 2 апреля*

* * *

Миссис Джермин, Глостер, собственный дом

Дорогая мадам!

Лишенная родной матери, я надеюсь, что вы разрешите мне отвести душу, раскрыв мое бедное сердце вам, которая всегда была для меня вместо доброй родительницы с той самой поры, как меня отдали на ваше попечение. Право, право же, достойная моя воспитательница может поверить мне, если я скажу ей, что никогда не было у меня никаких дурных помыслов, но одни лишь добродетельные мысли, и, если Господь будет милостив ко мне, никогда не наброшу я тени на ту заботу, с которой занимались вы моим воспитанием.

Каюсь, я дала справедливый повод к негодованию, но лишь потому, что мне не хватало осторожности и опыта. Не надлежало мне прислушиваться к словам этого молодого человека, и мой долг был поведать вам обо всем происшедшем. Но я постыдилась упоминать об этом, а он в обращении своем был так скромнен и почтителен и казался столь чувствительным и робким, что я не нашла мужества в своем сердце совершить поступок, который мог повергнуть его в уныние и отчаяние. Что до маленьких вольностей, то я уверяю вас: никогда не позволяла я ему поцеловать меня, а что до тех немногих писем, которыми мы обменялись, то все они находятся в руках у моего дядюшки, и, я надеюсь, в них нет ничего погибельного для невинности и чести. Я все еще

убеждена, что он не тот, за кого выдает себя, но откроется это только со временем, а покамест я приложу старания позабыть о знакомстве, столь неприятном моему семейству.

С той поры как меня поспешно увезли от вас, я плакала, не осушая глаз, и три дня ничего в рот не брала, кроме чаю, и глаз не смыкала три ночи напролет. Тетушка не перестает сурово бранить меня, когда мы остаемся одни, но я надеюсь со временем смягчить ее смирением и покорностью. Дядюшка, который так ужасно бушевал вначале, был растроган моими слезами и сокрушением и теперь полон нежности и сострадания, а мой брат примирился со мною, когда я обещала порвать всякие сношения с этим несчастным юношей. Но, несмотря на все их снисхождение, я не успокоюсь, пока не узнаю, что моя дорогая и вечно почитаемая воспитательница простила свою бедную, безутешную, одинокую, любящую и смиренную до самой смерти

*Лидию Мелфорд.
Клифтон, 6 апреля*

* * *

Мисс Летиции Уиллис, в Глостер

Моя бесценная Летти!

Я в таком страхе, будет ли это письмо благополучно доставлено вам через нарочного Джарвиса, что умоляю вас по получении письма написать мне безопасности ради на имя мисс Уинифред Дженкинс, горничной моей тетушки; она добрая девушка и так сочувствовала мне в моей беде, что я сделала ее своей наперсницей. Что до Джарвиса, то он очень боялся принять на себя заботу о моем письме и маленьком свертке, потому что сестра его Салли едва не лишилась из-за меня места. Поистине я не могу хулить этого человека за осторожность, но я не оставила его без награды.

Дорогая моя подруга и товарка по комнате, горести мои жестоко усугубляются тем, что я лишена вашего приятного общества и беседы в то время, когда я столь нуждаюсь в утешительном вашем добросердечии и здравых суждениях; но, надеюсь я, дружба, завязавшаяся между нами в пансионе, будет длиться до конца жизни. Со своей стороны я не сомневаюсь, что она будет с каждым днем расти и крепнуть, по мере того как я набираюсь опыта и учусь понимать цену истинного друга.

О моя дорогая Летти! Что скажу я о бедном мистере Уилсоне? Я обещала порвать все сношения с ним и, если сие возможно, забыть его, но, увы, я начинаю убеждаться, что это не в моей власти. Отнюдь не подобает, чтобы портрет оставался в моих руках; он мог бы послужить причиной новых бед, а потому я посылаю его вам с этой оказией и прошу вас либо сохранить его до лучших времен, либо вернуть самому мистери Уилсону, который, как я полагаю, постарается встретиться с вами в обычном месте. Если, получив от меня назад свой портрет, он придет в уныние, вы можете сказать ему, что нет надобности мне хранить портрет, если его лицо остается запечатленным в моем... Но нет! Я не хочу, чтобы вы говорили ему это, так как должно положить конец... я хочу, чтобы он позабыл меня ради собственного спокойствия душевного, и, однако, если бы это случилось, значит, он жестокосердный... Но это невозможно! Лживым и непостоянным бедный Уилсон быть не может! Я умоляю его не писать мне какой-то срок и не пытаться меня увидеть, так как гнев и горячий нрав моего брата Джерри могут привести к последствиям, которые сделают всех нас несчастными навеки. Доверимся же времени и непредвиденным случайностям, или, вернее, провидению, которое не преминет рано или поздно вознаградить тех, кто идет по стезе чести и добродетели!

Я хотела бы передать нежный привет молодым леди, но никому из них не надлежит знать, что вы получили это письмо. Если мы поедem в Бат, я буду присылать вам мои незатейливые заметки об этом знаменитом центре светских увеселений, а также и о других местах, какие нам случится посетить. И я льщу себя надеждой, что моя дорогая мисс Уиллис будет аккуратно отвечать на письма любящей ее

*Лидии Мелфорд.
Клифтон, 6 апреля*

* * *

Доктору Льюису

Любезный Льюис!

Я последовал вашим указаниям не без успеха и теперь был бы уже на ногах, ежели бы погода позволила мне пользоваться моей верховой лошастью.

В этот вторник я поехал утром на холмы, когда на небе до самого горизонта не было ни единого облачка, но не проехал и мили, как вдруг неожиданно полил такой дождь, что минуты в три я промок до костей. И откуда он взялся, черт его знает! Но он уложил меня в постель, думается мне, недели на две. Я и слышать не могу, когда хвалят «чистый воздух» на Клифтонских холмах! Как может воздух быть приятен и целебен там, где постоянно спускается чертов туман и моросит дождь?

Мое вынужденное пребывание в постели тем более невыносимо, что дома мне очень досаждают. Племянница моя сильно хворала после того проклятого происшествия в Глостере, о чем я вам писал в последнем письме. Она — добрая простушка, мягкая, как воск, и так же легко растапливается, но она не дура, ее девические таланты не остались втуне и образованием ее не пренебрегали: она пишет без ошибок, говорит по-французски, играет на арфе, танцует превосходно; к тому же она ми-

ловидна и у нее хорошие наклонности, но ей не хватает живости, она весьма чувствительна, и — ох! как она нежна! — у нее томные глаза, и она читает романы.

У меня живет также ее брат, сквайр Джерри, дерзкий щеголь, набравшийся в колледже дури и самоуверенности, спесивый, как немецкий граф, и такой же горячий и запальчивый, как валлийский горец.

Что до этого чудного животного — моей сестрицы Табби, — то вы ее знаете. Клянусь Богом, она подчас бывает столь невыносима, что мне кажется, будто в нее воплотился дьявол, дабы мучить меня за мои прегрешения. Но я не знаю за собой никаких грехов, которые навлекли бы на меня такое семейное бедствие, так почему же, черт побери, мне не избавиться сразу от всех этих мучений? Слава Богу, я не женат на Табби! И не я породил тех двоих. Пусть выберут другого опекуна, а мне и без того нелегко заботиться о самом себе и куда уж там надзирать за поведением ветреных мальчишек и девчонок!

Вам хочется знать подробности наших приключений в Глостере. Вкратце они таковы, и, надеюсь, продолжения их не последует.

Лидди была закупорена в пансионе, который оказался столь же плохим учебным заведением для девушек, как и монастырь, — хуже ничего нельзя было придумать! — и там она стала так же легко, как трут, воспламеняться. И вот, отправившись как-то в праздник на театральное представление — черт возьми, стыдно вам говорить! — она влюбилась в одного из актеров, красивого молодого парня по фамилии Уилсон. Негодяй скоро заметил, какое произвел на нее впечатление, и ухитрился встретиться с ней в одном доме, куда она приглашена была со своей воспитательницей на чай. И у них началась переписка, которую они вели через одну шельму — шляпницу, мастерившую капоры для воспитанниц пансиона.

Когда мы приехали в Глостер и Лидди переселилась на квартиру к тетке, Уилсон подкупил служанку, чтобы та передала Лидди письмо. Но Джерри завоевал такое доверие у служанки (каким путем — ему лучше знать!), что та передала письмо ему, и, таким образом, тайна обнаружилась. Не сказав мне ни слова, горячий мальчишка немедленно разыскал Уилсона и, кажется, обошелся с ним довольно грубо. Театральный герой зашел слишком далеко в своем романическом приключении, чтобы снести такое обхождение, ответил белыми стихами, а затем последовал вызов. Они условились встретиться на следующий день поутру и порешить спор шпагой и пистолетом.

Я ровно ничего об этом не ведал, покуда у моей постели не появился утром мистер Морлей, который выразил опасение, не отправился ли мой племянник драться на поединке, ибо накануне вечером между ним и Уилсоном, на квартире последнего, произошел подслушанный Морлеем горячий спор, после чего они отправились в лавку по соседству купить пороху и пуль. Я тотчас же вскочил с постели и убедился, что племянник в самом деле ушел. Засим я попросил Морлея разбудить мэра, дабы тот мог вмешаться в это дело как судья, а сам заковылял вдогонку за молодым сквайром, которого увидел вдалеке; он быстрыми шагами направлялся к городским воротам.

Несмотря на все мои усилия, я доковылял до места поединка только тогда, когда дуэлянты заняли свои места и насыпали порох на затравку своих пистолетов. По счастью, какой-то старый дом скрывал меня от их глаз, так что я на них обрушился, прежде чем они успели меня заметить.

Оба они растерялись и пустились было наутек в разные стороны. Но тут подоспел с констеблями Морлей, арестовал Уилсона, а Джерри покорно последовал за ним